

Журнал «Огонек»

№52, 1961

УДК 82-94
ББК 63.3-8
Ж92

Ж92 Журнал «Огонек»: №52, 1961 / – М.: Книга по Требованию, 2021. – 42 с.

ISBN 978-5-458-70631-5

«Огонёк» — российский и советский общественно-политический и литературно-художественный иллюстрированный еженедельный журнал. С 1923 года выходит в Москве. Первый номер журнала вышел в свет 9 декабря (21 декабря по новому стилю) 1899 года как еженедельное иллюстрированное литературно-художественное приложение к газете «Биржевые ведомости», издателя Станислава Проппера. В 1918 году выпуск журнала прекратился и был возобновлен стараниями Михаила Кольцова в 1923 году. До 1940 года — выходило 36 номеров в год, с 1940 года — еженедельник. В советское время журнал выпускался издательством «Правда», в котором, как приложение к журналу с 1946 года, также выходила «Библиотека „Огонька“» — собрания сочинений отечественных и зарубежных классиков.

ISBN 978-5-458-70631-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Мэри жила у них. Хозяин квартиры, сдав ее, оставил там свою служанку приглядывать за имуществом.

Мэри была маленькая и хрупкая, и все давали ей не больше 16—18 лет, хотя на самом деле ей исполнилось уже двадцать пять. Она была бесшумна и молчалива.

Мэри приехала из деревни, которая находится недалеко от главного города Гоа — Панджима. На фотографии, которую она нам показала, виднелась прислонившаяся к дереву хибарка. Земли своей не было. Вся семья работала на богатого господина — одного из потомков иностранных захватчиков, пришедших сюда 400 лет назад.

Когда Мэри исполнилось 10 лет, умер отец. Он умер не от старости: в колониях от этого не умирают. Он, а вслед за ним и жена брата погибли от недоедания, болезни. Жизнь стало совсем тяжело.

Первым ушел из дому брат. Он уехал в Бомбей. Вскоре туда же собралась и Мэри. Тяжело ей было расставаться с родными, но еще тяжелее — с Джоном, который очень ее любил.

Они не могли пожениться, потому что и у Джона в доме была нужда. Он еле содержал больных родителей. Мэри и Джон наделись на будущее — настанут лучшие времена, она вернется в Гоа, и они заживут вместе.

Однажды девушка сказала нам, что из Гоа приехал ее друг и она уходит гулять. Потом к ней стал заходить Джон. Он был высокий и худой, и выглядел почти вдвое старше своих лет. Парень тоже бросил дом и приехал сюда искать работу, попытаться устроить свою жизнь. Юноша и девушка часами сидели и чем-то тихо беседовали. За три месяца, что Джон прожил в Бомбее, я ни разу не слы-

шал его смеха. Но все-таки им было хорошо: они были вдвоем.

Неожиданно из Гоа пришло письмо. У Джона дома случилось несчастье — и Мэри опять осталась одна.

Когда я уезжал из Бомбея, мне очень захотелось сделать Мэри какой-нибудь подарок. Я спросил девушку, чего ей больше всего хочется. Она посмотрела на меня и, отведя в сторону глаза, ответила: «Домой, в Гоа».

Большие события всегда связаны с судьбами людей. И, узнав об освобождении Гоа от португальских колонизаторов, я прежде всего подумал о Мэри. Наверное, и к этому Новому году мы получим от нее открытку. Рисунок на ней, я уверен, будет радостный, и придет он из Гоа.

Георгий ИСАЧЕНКО (АПН)

Боевое искусство



WEG FREI FÜR DEN FRIEDEN!

Д. Хартфильд.
ДОРОГУ МИРУ!

ОНИ ЗАТОРОВА!



На веревке сушатся фотографии. Агентство ЮПИ представляет: «Самые знаменитые матери со своими детьми». Четыре актрисы, принцесса, жена президента. Славные мордашки малышей. Присмотритесь к первому снимку справа, в нижнем ряду. Маленькая Трейси, дочь актрисы Мэй Бритт, не подозревает, сколько пришлось испытать ее родителям. Шведка по национальности, Мэй Бритт позволила себе «неслыханную дерзость» — вышла замуж за негритянского певца и танцора Самми Дэвиса. Это вызвало целую бурю в Америке. Расисты грозили смертью актрисе и ее муну, под их окнами устраивали демонстрации, почти приносили грязные анонимки. Впрочем, все это не только было. Это продолжается и сейчас. Средневековая дичность, с которой, наверное, еще не раз придется столкнуться Трейси Дэвис, в отличие от мальчика, улыбающегося на снимке в верхнем ряду. Его имя — Джон Кеннеди-младший...

На судебном процессе в Иерусалиме поставлена последняя точка в карьере нацистского военного преступника Адольфа Эйхмана. Гитлеровский палач, на руках которого кровь миллионов людей, приговорен к смертной казни через повешение. Мировая общественность с удовлетворением встретила этот справедливый приговор. Она требует наказания и других деятелей третьего рейха, виновных в чудовищных злодеяниях, но разгуливающих сегодня на свободе и даже занимающих высокие посты в боннском кабинете и в НАТО.

Есть немало слухов о добрых гномах, которые преподносят рождественские подарки. Но существуют и другие «гномы». Милитаристские круги Соединенных Штатов Америки, раздувая в стране военный психоз, осуществили проект «Гном» — под землей и в зрачь дядного устройства, упрятанного в специальную пещеру. Несмотря на заверения о «полнейшей безопасности» эксперимента, на поверхность земли вырвалось ядовитое радиоактивное облако, двинувшееся по направлению к городу Харлсбад, штат Нью-Мексико. Таков рождественский подарок, приготовленный Пентагоном.

В Берлине открылась выставка фотомонтажей и карикатур на международные темы четырех художников. Джон Хартфильд (Берлин), Александр Житомирский (Москва), Мичеслав Берман (Варшава) показали сотни политических фотомонтажей. Антонин Пельц (Прага) — рисунки.

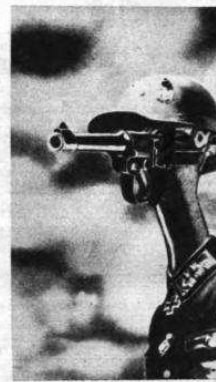
В своих работах художники разоблачают звериную сущность фашизма, срывают маски с поджигателей новой войны, с колонизаторов и империалистов.

Выставка вызвала большой интерес у жителей Берлина.

Союз художников ГДР предполагает показать выставку в нескольких странах.

А. Житомирский.
Американская дипломатия на грани.

М. Берман.
Портрет эссовца.



А. Пельц. Лицие.





Дружба завязалась в Москве, да еще в дни исторического II съезда партии. «Расскажи про свой Запсиб», — просит Александра Каверина Валентину Духанину.

**Г. КУЛИКОВСКАЯ,
Д. УХТОМСКИЙ**

Специальные корреспонденты «Огонька»



оненькая алая книжечка... Комсомольский значок на обложке... Торжественные слова: «По призыву Коммунистической партии... добровольно изъявил желание... направлен...» Нет, это не просто книжечка, а пропуск в грядущее! С комсомольской путевой юноши и девушки корчевали тайгу на Амуре и поднимали Магнитку. С ней они покоряли целину и электрифицировали Транссибирскую магистраль... Ими, людьми с комсомольской путевой, создается ныне за Уралом гигант черной металлургии — Западносибирский комбинат. Пятнадцать тысяч юношей и девушек — это девять десятых всего коллектива — обосновались в новых, ими же построенных домах на правом берегу Томи... Пятнадцать тысяч путевок, и у каждой путевки своя судьба.

Валина путевка была, вероятно, особенно счастливой... Всего полтора года назад приехала из маленького тамбовского городка энергичная, веселая девчонка, сварщица Валентина Духанина. Приехала — и стала сибирячкой. Варилла арматуру, сажала тополя и астры вокруг своего арматурного цеха, проводила, как партгрупорг, в бригадах беседы, ездила на сенокос в подшефный колхоз и писала домой сестре: «Приезжай, Маринка, обучу тебя сварке, поступишь у нас в институт...» И Маринка приехала. И Маринка и еще несколько тамбовских девчат.

А осенью избрали Валию делегатом на XXII съезд партии. Избрали и дали строгий наказ: «Зови и нам народ!» ...Отряд рабочих и работниц Подмоскovie уезжал теплой октябрьской ночью. На Казанском вокзале был, конечно, митинг, и на митинге Валя Духанина сказала: «У нас неплохо. Есть техникумы, вечерний институт, есть Дом молодежи и клуб «Комсомолец»...»

А потом стали собираться в дальнюю дорогу москвичи. И среди них Александра Каверина, делегат XXII съезда партии, брошюровщица 1-й Образцовой типографии.

«Партия верит комсомолу, советской молодежи и зовет наше молодое поколение вперед — на штурм, на стройки коммунизма», — сказал Никита Сергеевич Хрущев на XXII съезде партии.

И молодежь едет! Западносибирская сталь будет!

Партия верит

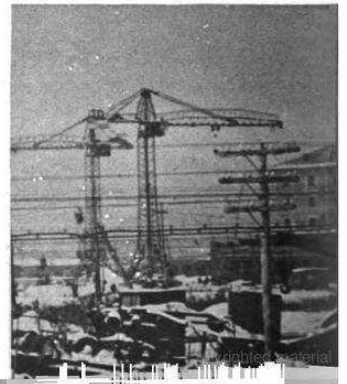


ноября и заиндеветшему вокзалу Новокузнецка подошел московский поезд. Но Каверина и ее земляки не почувствовали тридцатиградусного мороза: так тепло встречали москвичей сибиряки.

Идет дневная смена.



Эти трое — комсомольцы из Ростова. Геннадий Булатов, Владимир Аникин и Владимир Тарасенко вместе учились в институте, вместе писали диплом. Писали тут, на стройке. Спроектировали открытый полигон для железобетонных изделий и сами его построили. А как построили, так и остались. Пример оказался заразительным. Сюда приехали еще пятнадцать ростовских инженеров.





Когда Маринка приехала на стройку, Валя стала обучать ее сварке. А теперь обе сестры Духанины учатся: Валя поступила на курсы по подготовке в техникум, а Маринка готовится в металлургический институт.



А на стройку все едет и едет народ. Десятиклассники, воспитанники школ ФЗО и училищ, войны, демобилизованные из армии... Приехали и моряки Северного флота. Сибирь зовет!

Четыре с половиной года назад на этом месте белели палатки. А теперь здесь кварталы города. Поселок растет, он рад принять каждого, кто решил строить Запсиб.





«Руки выразили все». Этот снимок прислан Ю. А. Гагарину из Праги.

Вл. РУДИМ

«Самое интересное
только начинается!»

Мне вспомнился океанский прибой, когда я просматривал письма, идущие в адрес двух советских космонавтов. Подобны могучим волнам эти послания. На десятках тысяч конвертов короткие строки: Москва, Юрию Гагарину; Москва, Герману Титову. Многие пишут только фамилию, кое-кто выводит лишь имя и отчество: Юрию Алексеевичу, Герману Степановичу,— все равно получают! Есть и такой адрес: Москва, космос, герою.

На почтовых штемпелях читаешь названия крупнейших городов и маленьких поселков, деревень. Рядом с Волгоградом и Тбилиси — казахский поселок Чурубай-Нура и северо-осетинский аул Цей, рядом с сибирским Братском — якутский поселок Люксюгон и молдавские Чобручи. Нью-Йорк — и итальянский городок Марина ди Масса, Токио — и порт Дуала в Камеруне, Лондон — и маленькая Билма в Нигерии...

«Это — подвиг, равного которому не было и нет в истории», — сказал Никита Сергеевич Хрущев о полете в космос. И еще хочется привести его слова: «Мечта о покорении космоса — действительно величайшее из величайших мечтаний человека. Мы гордимся тем, что эту мечту, эту сказку сделали былью советские люди».

Давайте же сядем рядом с прославленными космонавтами и, воспользовавшись их разрешением, посмотрим почту мира.

С чего же начать? Вот хотя бы с прямоугольничка, украшенного рисунком космического корабля. «Сердце мое горит от такого великого подвига», — пишет колхозница Елена Савельевна Моргунова из Крыма, из деревни Айвазовка. — Мы гордимся нашей Родиной, нашей дорогой партией, которая растит таких героев». Это было первое письмо, которое я раскрыл, и оно все время вспоминалось. Очень удачно сказала Елена Савельевна: сердце горит! Такое же горение сердца чувствовалось в каждом новом письме, в каждой новой строчке. На конверте штемпель: Куйбышев, октябрь 1961. А в письме — поздравление Юрию Гагарину и Герману Титову от учительницы-пенсионерки Екатерины Михайловны Артемьевой. Конечно, семидесятилетняя женщина горда и счастлива. Но и огорчена кое-чем: «Среди моих учеников много летчиков, врачей, инженеров. Есть удостоенные высокого звания Героя Советского Союза. Но вот летчика-космонавта нет. Как жаль, что я родилась немножко рано!» Что нам расскажет листок из тетради? Пишет Е. Соловьева из Тирасполя: «Дети спешат жить, потому что им кажется: пока они вырастут, все уже

РЕПОРТАЖ О СЕРДЦАХ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ

будет освоено и им уже будет не интересно. А я думаю: самое интересное начинается именно сейчас. И дальше будет все увлекательней! А. Чернов из Кировограда предлагает на месте приземления первых космических кораблей «Восток» соорудить памятник. Пусть он, поднявшись над колхозной пашней, напоминает, подобно памятникам на Бородинском поле, о славе великого народа!

Счастливы, что я этой силы частица

Эти письма разложены не по республикам, а по областям — так их много. Каждую такую попку хочется сравнить со слитком золота: размеры невелики, а вес, а цена большая! Здесь — обязательства, славные дела тружеников городов и сел, дела, на которые вдохновили наших соотечественников грандиозные успехи в освоении космоса. Здесь можно узнать о трудовой доблести строителей Братской ГЭС и целинников Казахстана, рыбаков Балтийского моря и нефтяников Татарии, строителей Черемушек и добытчиков якутских алмазов — одним словом, здесь вся страна!

Нет им числа — простым, деловым, волнующим рапортам Отчизне и родной партии! Наши современники думают так, как писал еще Маяковский: «Я счастлив, что я этой силы частица».

Среди писем встречаешь и такие строки, их тоже не прочтешь равнодушно: «Мы живем в Волгограде. Мой муж Николай Васильевич — тракторист, я работница общественного питания. В честь великих достижений советских космонавтов мы взяли на воспитание ребенка — Валечку. Таисия Ивановна Ултина».

В одном из конвертов большая фотография: бюст первого в мире космонавта, высеченный из серого гранита рижанином П. Бандерсом. А москвич прислал вырезку из французской газеты со снимком — бюст Гагарина, выполненный художником Марком дю Плантае.

Люди радуются и делу, которое совершают в честь побед над космосом, и тому, что у них есть совпадения с черточками из биографии космонавтов. Рады земляки, рады однофамильцы и тезки. Таких очень много.

Прочитываем юного москвича третьеклассника Бору Гагарина: «Недавно меня приняли в пионеры. Когда мне вручали старую большевичку пионерскую книжку и назвала фамилию Гагарина, то мне так аплодировали, как будто бы не я был там, а вы, Юрий Алексеевич. Теперь я все силы приложу, чтобы стать таким же человеком, как и вы. Я мечтаю быть вашим учеником и летать вместе с вами еще дальше, выше. А как интересно будет — сыдут два Гагарина и полетят на Луну, на Марс!»

Телеграмма из Мытищ: «Родился два сына. В честь космонавтов названы Юрием и Германом. Прошу в гости. Семин».

В далеком Северном Вьетнаме, в семье Чынь Нгок Тхуна, назвали сына, родившегося в день полета Гагарина, именем, которое в переводе на русский язык означает Красный революционный ветер.

А что в следующем конверте? Приглашение на свадьбу! Приглашений на свадьбу и просто в го-

сти столько, что у космонавтов не хватило бы и жизни, чтобы побывать всюду.

Григорий Кополешвили живет в Тбилиси, и этим уже кое-что сказано: «Я не уполномочен от грузинского правительства, но я уполномочен женой, сыном и дочерью — мы приглашаем вас к себе. Вспомните слова Маяковского и Максима Горького о Грузии, и вы будете довольны нами. Только прошу сообщить за две недели раньше, у нас такие обычаи, гостя надо хорошо встретить».

Владимир Дяденко и Зинаида Овчаренко с шахты Ново-Дружевская просят: «Приезжайте! Нет, мы не шутим, мы в самом деле хотим видеть вас на нашей свадьбе».

Все в космос!

Каждый, кто был в тот день на Красной площади, никогда не забудет ее ликования и песенных, ярких колонн. Столица цествовала первого космонавта. Среди множества лозунгов, проплывавших над головами, один был необычным и веселым: «Все в космос!» Юрий Алексеевич заметил лозунг, улыбнулся. Он улыбается и сейчас, разбирая очередную попку, где то и дело встречается фраза: «Хочу в космос!» Дети и взрослые рвутся в звездные выси. И так как всех невозможно назвать, то расскажем лишь о самых восторженных — о детворе. «Просим зачислить нас в космическую команду», — пишут учащиеся 5 «А» класса из города Мелекесс. Шестиклассник Игорь Тимофеев из Чернигова спрашивает: «Будет ли в СССР открыт институт, где бы обучали и готовили космонавтов? Я понял, что эра «Человек в космосе» открыта!» Володя Коваленко из Комсомольска-на-Амуре давно хотел стать космонавтом, но это была «только смутная мечта». Теперь он твердо решил стать космонавтом. Важное решение вызвало и важное признание: «До сих пор я учился, прямо скажу, плохо, но я даю вам честное слово, что буду учиться хорошо».

Вы можете подумать, что эра «Человек в космосе» будоражит душу только мальчишек? О нет! Девочки несколько не отстают от них. «Я очень хочу быть летчицей», — пишет Нелля Зуева из Владивостока. Мечтает о полетах и Ниёле Петкевичте из Радвилишкиса. Правда, девушка это гораздо трудней; что ж, если нельзя летчиком, то «хотя бы радисткой в самолете».

Ребята по-своему, как могут, начинают готовиться к полетам. Например, Саша Страдзин (он живет в Куйбышеве, учится во 2-м классе) прыгает в парке с парашютной вышки. Игорь Сова из Днепропетровска пишет: «Я занимаюсь по утрам дома физкультурой, в школе лазаю по канату и по деревьям на самую верхушку и мечтаю полететь в космос».

Присылая «заявки на космос», ребята, как и взрослые, просят фотографии космонавтов и их автографы. Три подружки из поселка Заветы Ильича просят Юрия Алексеевича: «Пришлите, пожалуйста, нам на троих хоть одну карточку».

Ребята школы № 65 города Джизак в Узбекистане создают в школьном музее отдел «До самой далекой планеты не так уж теперь далеко!». Им очень хочется иметь автограф космонавта. О, такое желание коллектива нужно выполнить в первую очередь!

Юрий Алексеевич Гагарин расписывается на открытке. Через несколько минут письмо с автографом космонавта пойдет на почту, а оттуда — в Джизак.

Фантазия ребят уже в космосе! О своих «правдашних выдумках» сообщают ребятишки Гагарину и Титову. Так мы познакомились с КЭЦ-1. Что это такое? Межпланетный корабль, а три буквы означают: Константин Эдуардович Циолковский. Да, в свое время среди космических кораблей будет и КЭЦ!

Последуем за фантазией московского школьника Коли Никитина. Побываем на самом большом космодроме нашей планеты. Здесь готовится к далекому путешествию гигантский космический корабль. Кто же и куда умчится в нем? К другой галактике отправляется Газлонавт — галактический электронный космонавт. Самое совершенное создание советских ученых, конструкторов, техников. Робот, который проложит путь к галактикам живому космонавту. Металлическое чудо, состоящее из сотен тысяч деталей, будет сообщать на Землю все, что увидит, услышит, почувствует.

Частицы своих впечатлительных душ шлют космонавтам и дети зарубежных стран. Вот письма из Китая. Детским почерком выведено на конверте русскими буквами: «Для первого космического летчика тов. Тя Тя-лин». Тя Тя-лин — это Гагарин, так звучит его фамилия по-китайски. А в конверте — письма всего шестого класса амойской начальной школы. «Мы уверены, что вы скоро будете летать на другие планеты». «Я тоже буду летчиком-космонавтом». «Буду у вас учиться». И все листки подписаны так: «С революционным приветом!»

Целыми классами пишут Гагарину и Титову из Англии, Франции, Соединенных Штатов Америки и других стран. «Дорогой сэр, это просто замечательно, что вы летали в космос!» — восклицает восьмилетняя девочка из Рок-Айленда. Ее соседка по парте спрашивает: «Как вам удалось подняться в космос? Любящая Линда Карлсон». «Я напишу о вас рассказ», — заявляет «ваш друг Тим Карри». «Некоторые не сразу поверили в то, что вы полетели в космос. А я поверил!» — восклицает Бонни Расселл.

Ученики школы из штата Массачусетс избрали Гагарина «героем дня» и заверяют, что изберут «героем года». А из Скардейла, штат Нью-Йорк, вот что написал тринадцатилетний Томи Кандел: «Я не хочу, чтобы вы смотрели на меня как на капиталиста. Считайте меня другом и обычным представителем рода человеческого».

Юный француз Николь Пфейфе из департамента Ду просит прислать для его школы советскую газету, в которой описывается полет в космос. Другие ребята тоже надеются получить «какой-нибудь знак от формы космонавта» или «хотя бы пуговицу». Школьник из Индии Гопал Прасад Керш написал: «Все наши ребята мысленно всегда с вами. Спасибо святой земле, на которой вырос герой, как бесценный жемчуг». Кажется, что даже слышишь восторженный голосок девятилетней марокканки из Рабата: «Все советские дети должны гордиться вами. Мирей Кавассияс».

А сколько искреннего волнения

в торопливых строках англичанки: «Если бы вы могли написать мне хотя бы несколько слов, я была бы очень тронута, даже если бы вы написали по-русски. Я бы купила русский словарь, чтобы обойтись без переводчика! Что еще могу я сказать? Я очень счастлива за вас, так же как и вы сами должны быть счастливы, и хотела бы встретиться с вами. Да и кто не хотел бы? Заканчиваю свое письмо, так как чувствую себя недостойной писать герою государства и первому космонавту. Надеюсь, что это письмо для вас, Юрий, а не для какого-нибудь официального секретаря. Я не могла бы вынести этого! Привет вам, Сюзанна». Мы рады вас успокоить, Сюзанна: ваше письмо прочтано самим космонавтом. Он шлет вам сердечный привет и желает счастья.

Как всегда у детей, здесь тоже есть свои «почему», свои вопросы. «Дорогой брат, сообщи ханнойской девочке, видел ли ты что-то такое, чего на земле нет?», «Видели ли вы обитателей космоса?», «Мы, дети с острова Ямайка, хотим заны, понравилась ли вам поездка в ракете?», «Должно быть, интересно летать со звездами?», «Могли бы вы подарить нам звездочку из космоса?», «Какого цвета кольца Сатурна?», «Почему космонавты спят перед полетом? Я бы ни за что не заснул от волнения».

И, наконец, еще фраза, которая говорит всё и за всех: «Два гражданина будущего поздравляют человека, который открыл путь в будущее. Ширлин и Евгений Муссеры».

Отосланное знамя

Волны, мягко приглаживающие золотистый песок пляжа Плайя-Хирон, уже смыли следы ссоры интервентов, выпущенных на Кубу империалистами США. Песок снова чист, но героическая Куба начеку. Об этом напоминают и подарок, присланный со славного острова, восторженно встречавшего Юрия Гагарина.

В скульптурной композиции выделяются две мужские фигуры, которые держат в руке молоток, а за плечами винтовку. Труд и бдительность! Между фигурами шар — Земля. А над нею — корабль «Восток», от которого вытекает проволока-ленточка — орбита первого в мире космического рейса.

Рядом с подарком героической Кубы — письма. Так как процитировать их все невозможно, приведем два. Первое отправлено до вторжения наемных банд Капрал Кандидо Галинда и его жена сенора Грасьела пишут: «Если бы все народы мира были такими, как ваш народ, и были бы сторонниками социалистического строя, то не было бы опасности войны для человечества. Однако если американские империалисты попробуют протянуть свои лапы в нашу страну, то мы ответим: «Родина или смерть», «Мы победим». Мы всегда готовы к бою, и никто их не боится: весь народ готов бороться до последней капли крови. Я прошу извинить меня за орфографические ошибки, поскольку я научился писать совсем недавно, когда работал утром на сахарных плантациях, а вечером посещал школу, находившуюся в 15 километрах от плантаций».

Второе отправлено после из-



Этот снимок прислан Герману Титову из Горького.

В Аккре, столице Ганы, знают этого мальчика: ведь его имя — Гагарин Кваджо Мантей.



гнания интервентов. «Кубинцы — веселый народ, даже в моменты больших опасностей мы никогда не теряем хорошего настроения; это хорошо знают президент Соединенных Штатов и его наемники. После того как мы «привели в порядок» его вторжение на нашу землю, мы предложили обменять его «червей» (пленных) на тракторы для нашей страны. Я хотела бы иметь ваш портрет с автографом. У нас на Кубе вы очень популярны. Сиомара Эчеварриа — председатель Комитета защиты Революции квартала Сан Индалесло и Виа Бланка».

С какой любовью сделаны подарки, присланные космонавтам! Больше всего подарков, конечно, наших, советских. Но вот кулинарная книга от автора — шеф-повара ресторана в Вестбери в Лондоне. Скульптура сталеваара прибыла из Чехословакии. Вьетнамец Динь Тхе Кан преподносит Гагарину свою награду — Памятный значок за участие в войне Сопротивления.

Раскрываешь ящики, коробки, бандероли — и в них из них лежат такие вещи, о которых хочется рассказать подробно.

История, с которой вы сейчас познакомитесь, началась двадцать лет назад. Тогда, в 1941 году, гитлеровские войска были возле Киева. Одна из пехотных рот «захватила» в Василькове, под Киевом, полотнище красного знамени. Полотнище лежало в столе профкома и было новым — видимо, его совсем недавно купили и еще не прикрепили к дереву. Солдат Вернер Вайнгардт спрятал знамя и хранил его все время. Хранил и после войны, когда стал жить в Западной Германии, в Ганновере. Полет Гагарина в космос решил судьбу кумача: Вернер отправил знамя в советское посольство в Бонне. И написал, обращаясь к Юрию Алексеевичу: «Сегодня я пользуюсь единственным в своем роде, особенно прекрасным поводом, чтобы возратить знамя. Вы, господин майор Гагарин, «отвоевали» знамя вместе с бесчисленными миролюбивыми сердцами во всем мире».

Последний прыжок ягуара

...Ягуар был ранен, а раненный, он очень опасен! Зверь прыгнул на человека, но это был последний прыжок ягуара — пуля вонзился в шею хищника, он упал на землю мертвым. Этим трофеем очень гордились в семье Жоантини из бразильского города Сан-Паулу.

Жоантини больше всего на свете чтит храбрость и с гордостью хранили все, что делало честь их смелым сердцам, твердым рукам, меткому глазу. Еще дед, боровшийся в конце восемнадцатого века за освобождение страны от португальской зависимости, передал старшему сыну португальскую пулю, которой был ранен в левую руку, передал ружье, из которого бил без промаха.

Это была первая реликвия храбрости. А сын! Что он вручил своему наследнику? Шкуру змеи, добытой на реке Паране, и рог быка, которого он уложил, спасая невесту от верной смерти.

В третьем поколении Жоантини, наш современник, добыл шкуру ягуара.

И вот после события, всколых-

нувшего весь мир 12 апреля, ягуар Жоантини совершил еще один — символический — прыжок: шкура послана первому космонавту Юрию Алексеевичу Гагарину. Желтая шкура, светлеющая к краям, покрытая купами черных пятен, прибыла в Москву.

Следующая история — из Финляндии. И связана она с именем шведа Эрика Ворштедта, который специально приехал, чтобы увидеть космонавта. На одной из встреч в Кемпи собралось столько народа, что пробиться к космонавту было совсем невозможно. Властям пришлось ограничить доступ и пускать только тех, кто шел с подарками. И вот Ворштедт, которому очень хотелось почувствовать пожатие мужественной руки Гагарина, решился на следующую уловку: он пошарил в карманах, чтобы найти хоть что-нибудь в качестве подарка. В кармане оказалась лишь табакерка. Конечно, коробочка с нюхательным табаком — это не подарок, но раздумывать долго не пришлось. Эрик положил на ладонь табакерку и торжественно понес ее. Хитрость удалась, и вот он, безмерно счастливый, пожимает руку Юрию Алексеевичу. Табакерка, конечно, удивила всех. И мы, наверное, никогда не узнали бы о том, что за нею кроется, если бы об этом не написал Юрий Алексеевич сам Ворштедт.

Как магнитные стрелки...

Очень хорошо сказал ханойский студент Нгуен Хну Чи: «Миллионы горящих глаз во всем мире, включая капиталистические страны, направлены на Советский Союз, как многочисленные стрелки к магнитному полюсу».

Апарна Банерджи из Калькуты называет полеты советских космонавтов «золотым путем», о котором давно мечтало человечество. Она пишет: «Спасибо земле, на которой вырос такой сын, как вы, спасибо родителям, давшим жизнь такому сыну, как вы. Но прежде всего я хотела бы сказать спасибо отеческой заботе, которая дала возможность вам совершить этот полет. Это забота, которую проявило правительство вашей страны и его руководители».

Еще письмо из Индии: «Как друг вашей семьи, я предлагаю назвать одну из ваших дочерей Виджайя — в честь богини, наделяющей мужеством. Пусть это имя станет символом вашего подвига, подобно которому не было в истории человечества».

Эти письма, как и большинство других, прибыли к нам обычными почтовыми путями. Но есть и такие послания, которые проделали кружной путь, которые опалились глаз и рук тайной полицией. Долг и труден был путь некоторых весточек из Испании, Ирана, Турции, Южного Вьетнама, Южной Кореи. Вьетнамский патриот начертал свое приветствие в южновьетнамской тюрьме, но смог отправить его лишь после того, как совершил побег и сумел проникнуть в свободную часть страны — Демократическую Республику Вьетнам. Открытка с видом города Таррагоны послана из Испании. Но не прямо в Советский Союз, а в Англию — там, в Кенте, у испанца есть друг, который и передал приветствие испанца в Москву. На оборо-

те открытки очень короткий текст: «Сердечно поздравляю вас с успехом! Будьте добры, напишите мне несколько слов. Сохраню их навеки! Напишите, пожалуйста, не прямо мне, а моему английскому другу».

«Мне очень, очень хочется вас увидеть», — такое послание, адресованное Гагарину и Титову, едва ли не в каждом письме.

«Никогда я не мечтал ни о чем другом так сильно, как о встрече с советским космонавтом!» — восклицает один канадец. Зная, что космонавты приглашены во многие государства и, следовательно, могут посетить и их страну, люди сообщают свои точные адреса, пишут, где и как их найти. А Мопольдо Инкальпе из города Медельин в Колумбии указал даже свой телефон: а вдруг космонавт позвонит ему!

Мисс Джейн Вуд из Норфолка, узнав о том, что Гагарин прибывает в Англию, не раздумывала. «Скорее в Лондон!» Она проехала 120 миль, чтобы увидеть первого космонавта, а увидев его, отправила в Москву трогательное письмо: «От всего сердца благодарю за то, что вы посетили Лондон. Я очень горжусь, что увидела вас, и тем, что первый полет человека был совершен во время моей жизни. Мне 17 лет, моим самым большим желанием является увидеть мир на земле, и я уверена, что ваш визит в Англию усилит связи между нашими странами».

Когда стало известно, что Юрий Гагарин летит на Кубу, в Соединенных Штатах Америки многие надеялись увидеть и у себя первого в мире космонавта. Однако Вашингтон молчал, и тогда американец Аурел Берард (и не один он!) решил отправиться на Кубу, чтобы увидеть советского героя. «Но мне», — пишет Берард, — отказали в визе департамента». И дальше: «Я верю в Советский Союз и ожидаю таких достижений от Советского Союза. И все же я был поражен!»

Одними из первых поздравили Гагарина семь американцев, среди которых были Шепард и Гриссом, два летчика, которым предстояло подняться в космос.

А вот слово рабочих: «Мой дорогой майор Гагарин! Мы называем вас «Колумб космических путешествий». Я считаю, что у вас лучший руководитель — уважаемый Никита Хрущев. Я восхищаюсь вашей системой. Вы и Никита хорошие люди. Ваш друг и поклонник Уоррен О'Нейл. Массачусетс». «Только слепой может не видеть изумительных успехов Советского Союза в самых различных областях. Мы глубоко верим тому, что, несмотря на ваше превосходство и в освоении космоса и в ракетах дальнего действия, вы никогда не нападете первыми, хотя многие наши адмиралы и генералы утверждают обратное. Искренне ваш, фабричный рабочий Пауль Рамос».

Слово матери: «Мои дети и я хотим, чтобы вы и ваш народ знали, что мы гордимся вашей страной и замечательным достижением майора Юрия Гагарина. Это великий подвиг, и каждый должен гордиться вашей страной. Всех наших детей учат в школах ненавидеть русских. Я думаю, что это неправильно. Я прививаю своим детям уважение

к вашей стране. Нам хотелось бы узнать больше о вашем народе и стране, узнать другое, нежели то, что мы читаем в наших газетах и в детских учебниках. Говорят, что в вашей стране не верят ни в бога, ни в библию. Я лично не могу себе представить, как вы могли добиться таких огромных достижений без веры в бога. Мередит Делпер». Слово католика: «Поздравляю с выдающимся полетом в космос. Я считаю, что Гагарин был ближе к богу, чем кто-либо из живущих на Земле. Др. Отто Рике, Джефферсон».

Строки из писем: «Ах, как бы я хотел в этот момент знать русский язык!», «Эпический полет!», «Если я получу ваш автограф, я не продам его ни за какие деньги!», «Я горд, что живу в одном мире с таким человеком, как вы», «Хорошая работа, хорошо сделано!», «Вива Гага!», «Слава вам, великолепный король галактики!», «Товарищи! Вы — наша надежда. Ведите же мир вперед!»

Конечно, не все в США искренне восторгаются. Есть и такие, которые испытывают чувство зависти. Об этом пишет Б. Филлипс: «Не знаю, знакомо ли вам выражение «sour grapes» («зеленый виноград»), но именно этим словом можно передать состояние тех, кто завидует вам не по-хорошему. Но я не принадлежу к ним. Хочу пожелать вам и в будущем такого же большого успеха!» Наконец еще один оттенок настроения: «Уважаемый сэръ! Между моей и вашей страной идет ожесточенная борьба; ненависть, затаенная вражда и горечь прокрадываются на наши земли. Ваша идеология, ваша система, ваш образ жизни ненавистны мне. Но этот день стоит выше национальной

принадлежности и системы. В моем сердце нет вражды или горечи, когда я искренне присоединяю мои поздравления к поздравлениям всего мира. Вы завоевали себе место в истории мира, и ваше имя будет жить в веках — в Америке так же, как и в России или Перу, или Дании, или на Малайе. Западная Вирджиния, летчик первого класса (подпись)».

И все же главное в письмах американцев то, о чем написала миссис Дж. Диб из Такомы: «Дорогой друг Юрий Гагарин! Я американка, но я называю вас другом, потому что чувствую, что американцы и русские должны быть друзьями».

Баллада о хлебной ниве

Разные люди из разных стран пишут о хлебопашцах, о хлебной ниве. Нет, не случайно попали такие письма в почту космонавтов! Почему же для многих людей космические ракеты ассоциируются не только со звездами, но и с пшеницей, рожью? Об этом рассказали лучше других пожилая француженка и молодой итальянец. Читаем в письме из Парижа: «Я слышала, что ваш космонавт приземлился на пшеничном поле. Не правда ли, символично — ракета и хлеб! И совсем не то ощущаешь, когда ракета падает в океан и ее вылавливают военные корабли и вертолеты».

Итальянец же сказал так: «Когда вы заявляете, что осваиваете космос в мирных целях, для науки, для всего человечества, мы верим вашим словам. Верим с чувством удовлетворения и умиротворения — таким же, какое испытываешь, видя людей се-

мых мирных на земле профессий, например, хлебопашцев».

Венесуэльский крестьянин работал в поле, когда к нему прибежала дочь и сказала: «Русский полетел в космос. Это не страшно?» Отец улыбнулся и ответил: «Ему не страшно. И нам с тобой не страшно. Русские не могут угрожать моему полю, они хорошие люди».

Сразу три человека — араб, китаец и русский — поделились одинаковыми мыслями: можно любое дело повернуть и на пользу людям и во вред. Все зависит от человека. Один человек «смотрит на мир глазами империалистической совы», у другого «взгляд радостен, как радуга».

Радуга приносит радость и счастье. Но пусть об этом скажет советский человек Алексей Чистяков из поселка Правдинск, Горьковской области: «Много мыслей вызвали во мне полеты Гагарина и Титова. Подумал я и о хлебной ниве, когда прочел, что космонавты опустились на колхозное поле. Воин-ветеран вспомнил сражение под деревней Федьково, где эсэсовцы выгнали женщин в рожь и за их спинами пошли в атаку. Но советские воины спасли и женщин и хлебную ниву!

Прошлое, которое и сегодня зовет на борьбу, помогает найти верную дорогу в завтра. Чтобы не повторилось черное время, чтобы ракеты летали к звездам, чтобы колосилась пшеница под яркой лентой радуги!

Не потому ли австралиец написал балладу о хлебной ниве, принявшей в свои объятия первого космонавта, а американец Фрэнк Северино в своих стихах говорит: «Когда Хрущев покинул Америку, он улыбнулся всем людям и посмотрел на небо. Он знал, что скоро весь мир будет аплодиро-

вать его стране. И русские показали, что их возможности безграничны. Вспоминая улыбку Хрущева, люди говорят: «Нам нечего бояться, если русские достигнут Луны». А когда этот день придет и человек там выйдет из ракеты, Луна спросит: «Как вы, русские, смогли так быстро прилететь сюда?»

Пшеница и космический корабль!

В миллионах сердец сохранится навсегда эта символическая картина.

Сколько их, писем, телеграмм, стихов? Сто пятьдесят тысяч! Двести! Наверное, больше! Им нет и не будет конца. После каждой поездки Гагарина и Титова в зарубежные страны гуще становится поток писем. А ведь впереди новые полеты в космос, еще более ошеломляющие! В почте последних дней нам уже попало несколько приветствий... космонавту № 3. «Хочу первой поздравить следующего героя-космонавта», — пишет девушка из Астрахани.

В начале нашего репортажа мы сравнивали неиссякаемый поток писем космонавтам с океанским прибоем. Но нет, это не прибой, это светлая буря, идущая сквозь сердца и души миллионов. Говорят, что до сих пор было 230 названий особенно сильных и постоянных ветров, ураганов и бурь, пронесшихся по нашей планете. И мы узнали еще одну бурю, родившуюся солнечным утром 12 апреля. Она охватила все человечество, она радует всех, она продолжается.

Бухарест встречает Г. С. Титова.



Начало

Сила поэзии не в формальных выкрутках, а в правде, во взволнованном отклике на события современности, в образности, в пристальном видении земной красоты, в краткости, полной значительного подтекста, в простоте, которая доступна даже неискушенному читателю.

Такими качествами, на мой взгляд, обладают лучшие стихи молодой поэтессы Любови Вагановой. Она любит русскую природу, человека, возделывающего колхозное поле. Она пытливо всматривается в лица и души окружающих людей. В ее стихах шелестят березы и шумят хлеба, сияет солнце, а ночная даль степи мерцает россылями огней. Обо всем виденном и пережитом Любовь Ваганова повествует взволнованно, проникновенно.

Я желаю ей доброго творческого пути, большого и трудного. Я советую ей беречь и развивать свои способности. Я желаю ей упорства и неутомимости в учебе.

Сергей СМЕРНОВ



Любовь ВАГАНОВА

РОДНОЕ

Больше года меня здесь
не было.

А июнь. А травница прет.
И таким полыхает небом
неожиданный поворот.
Пахнет ветер теплыми кедрами.
Над поселками тишина.
Разбегается километрами
притаенная сторона.
Над угорами запоздало
солнце маревое встает...
Паровозик считает шпалы
и, подрагивая, поет.

НОЧЬ

Плывет, качаясь, месяц
желтогогорый.
Ночь по безлюдным улицам идет,
шута толкнет березу-недотрогу,
скрипучую калитку распахнет,
перешагнет уснувшую речонку,
уйдет за город, в тишину полей
и вдруг настигнет парня
и девочку,
и те смущенно улыбнутся ей...
И, отправляясь дальше
в путь-дорогу,
она сама светлеет понемногу.

ВДОВЫ

На селе ночами стонут совы,
да под шелест зыбких
тростников
до сих пор оплакивают вдовы
на войне убитых мужиков.
И бойцы приходят из былого
те же, что семнадцать лет
назад,
шепчут бабам ласковое слово
и до свету курят самосад.
Загорланит кочет на заборе.
Женщины опомнятся от грез
и на дно души упрячут горе.
Нет войны...
А глаз сухое море,
наволочки, мокрые от слез.

ЛЕД

Осенью начался
птичий перелет.
А потом на реках
появился лед.
Звонкий лед, блестящий,
чистый, как слюда,
как вода, прозрачный,
только не вода.
Исполинской глыбой
омертвел прибор.
Примерзают рыбы
чешуей рябой.
Слышен на просторах
северных озер
камышинный шорох,
тайный разговор:
— Толстый лед,
нарядный,
твердый, как слюда,
как вода, прохладный,
только не вода.
Хоть бы постыдился
будущей весны,
ты же сам родился
из живой волны.

ТУРИНСК

За верстой окрест верста —
всё таежные места:
ельники, пихтовники,
кедрачи да сосняки,
мелколесье впербор.
Глухомань. Уральский бор...
Внятно снежная пустыня
песни севера поет.
Вечереет. Воздух стынет.
Сипло загудел завод.
Скоро —
город.
Впереди сверкнули зорко,
залучились огоньки.
То на горку,
то под горку...
Переулки. Тулики.
Ветру негде размахнуться,
задурил. И снегом — хлесь!
Вот ему б в тайгу рвануться,
да прижился, видно, здесь.



РИМА
ЛИХАЧ

Приглядитесь, в потоке бегущих по Москве автомашин вы непременно увидите доверку набитые грузовики. Едут новоселы! Вы смотрите на них и, чего скрывать, завидуете. Но вот наступает долгожданный день, и у вас в руках ордер на отдельную квартиру.

И вы сидите в кабине рядом с шофером, а друзья и родственники, обняв узлы и подпирая шкафы, — в кузове. Вы, конечно, волнуетесь, а прохожие провожают взглядом вашу машину и улыбаются: едут новоселы!

Около нового дома — муравейники. Люди суетятся, таскают вещи, смеются, кричат, спорят: «Так пройдет!» «Нет, придется развернуться!» Хозяев определить трудно, но хозяйки! Их узнаешь сразу: «Тихонько, там посуда!», «Ой, не сломайте!», «Не поцарапайте!»

Но вот вещи в квартире. Жена уже давно придумала, как их расставить. Но, оказывается, муж тоже времени не терял и мысленно расположил столы и шкафы совсем иначе, а родственники и друзья прикинули по-своему и считают, что оба неправы. Мебель начинает путешествовать по квартире, проверяются и тут же отвергаются планы каждого из присутствующих. Все кипит и спорит, но никто не устает — энтузиазма хоть отбавляй!

Портрет сына хочется повесить вот сюда, и немедленно. А молоток... Где молоток? Вы идете и соседям. Может быть, вам не так уж нужен молоток, просто хочется выйти на лестницу, где ходят вверх и вниз ваши товарищи по счастью. Двери всех квартир открыты. Везде устраиваются. Под потолком священнодействует паренек — прилаживает люстру. Застыл в позе мыслителя другой новосел: куда поставить пианино?

А этой хозяйке все ясно: вещи найдут свои места. И сидит она среди тюков, с гитарой, сияющая: на душе так хорошо.

Выше этажом тоже стук, шум, возмужденные голоса. И вдруг таковой ласковый, умиротворенный голос: «С гуся вода — с нас худоба» — Юрочка принимает душ!

Квартиры все одинаковые. Но в одной сердце ваше замирает: накие обои! Мчитесь к себе: «Надо менять обои, там так красиво!» Но оглядываетесь: большие окна, масса света, все новое, блестящее. И умиротворяетесь: ваша квартира лучшая. А какой вид с балкона!

Потом заходит сосед. Он уже старожил: переехал вчера. Сосед все знает: здесь будет метро, летом тут чудесное купание, и вообще это лучший новый район Москвы.

Во всей суматохе только тетя спокойна. Она новосел со стажем: перевозила уж не одного родственника. На кухне у нее шипит сковородка. Из кастрюли валит пар. Стол накрыт. Из той самой сумки, что везли бережно в руках, достаются рюмки и бутылки.

Мебель наконец расставлена, тюки сдвинуты в сторону, и вы садитесь с друзьями за свой первый обед в новой квартире. Какой это хороший тост: «С новосельем, друзья!»

С Н О





В О С Е Л Ь Е М !



Copyrighted material



РАЗЪЕЗД ИМЕНИ ГЕРОЯ

В 27 километрах от Омска на запад есть разъезд Петрушенно. На первый взгляд он ничем не отличается от других. Несколько приземистых служебных зданий, онгумен-ных жилыми домами. Побеленные будки, клумбы с цветами, выложенные осколками кирпича слова: «Миру — мир!».

В скромном зале вокзала висит большой, выполненный маслом портрет. На вас смотрит мужчина лет тридцати, с открытым и честным лицом. Темный, военного покроя китель, чуть сдвинутая набок солдатская фуражка. Это Иван Васильевич Петрушенно, по фамилии которого назван разъезд.

Вот что рассказывают старые железнодорожники.

Это было в ноябре 1919 года. Отряд колчаковских солдат появился на маленьком безымянном разъезде. Колчаковцы вели раненого красногвардейца. Это был Петрушенно.

Люди шепотом передавали друг другу, что парень вез какое-то срочное донесение советскому командованию, что он молчит, как рыба, что у него уже переломаны ребра и вывихнута рука.

Рано утром, когда орудийные раскаты приблизились, колчаковцы расстреляли героя.

Прошли годы, но люди не забыли Ивана Васильевича.

С. ДВОРЖЕЦ, В. ШАКУРОВА

Омск.

ЧИТАТЕЛИ ПОДДЕРЖИВАЮТ

Горячо откликнулись читатели на фельетоны «Однофамилец с претензиями» и «Уха с крыточками». Публикуя некоторые из откликов, редакция ждет ответа от организаций, которые имеют отношение к делу Спиридонова и к браконьерам-клеветникам.

В журнале «Огонь» № 46 я прочитала фельетон «Однофамилец с претензиями». Хотя я сама мать и мне 66 лет, но тем не менее я против решения суда — удовлетворить иск Спиридонова. Судья находит его очень жалким, а по-моему, он не жалок, а гадок! Почему его дети, выращенные и воспитанные одинокой матерью, должны взять на себя заботу о нем? Ведь он для них совершенно чужой человек. Он не имеет права называться отцом. Мне непонятно решение судьи Медведевой и очень обидно, что существуют кодексы и люди, которые защищают подобных типов — родителей, не помнящих даже имен своих детей.

А. КАРАСЕВА

Москва.

Это несправедливо — взыскивать алименты в пользу Спиридонова. Его всю жизнь искали судебные органы, а теперь он вдруг сам появился. Помогите, мол, разыскать мне тех, кто меня всю жизнь искал! И ему помогают. Где же логика? Если здесь просто гуманность, то заслуживает ли ее Спиридонов? Нет! Он разрушил детство, а теперь разрушает жизнь...

Л. МАТВИЕНКО,
учительница

Ново-Украинка,
Кировоградской области.

С возмущением прочитал я фельетон «Уха с крыточками» («Огонь» № 47). Недопустимо, чтобы в рядах Коммунистической партии могли находиться люди, способные на лживый донос, подобную клевету.

Я, старый ветеран, участник гражданской войны и Великой Отечественной войны, всей душой присоединяюсь к мнению «Огонька» о том, что «браконьерская уха», описанная в фельетоне, еще далеко «не расклебана» и что самое веское слово еще не сказано партийными органами.

А. ВОИНОВ

Москва.

Среди злостных клеветников и браконьеров есть и офицеры запаса подполковники Зотов и Халаяви.

Я считаю, что эти люди позорят высокое звание советского офицера и заслуживают строгого наказания. Необходимо, чтобы Министерство обороны СССР сделало в отношении их самые суровые выводы, чтобы навсегда отбить охоту нарушать советские законы.

М. ПЕРШИН,
полковник в отставке

Пенза.

СОЛОВЬИ

Рассказ

Вл. ЛИДИН

Дочь вышла встречать мать на станцию и села на скамейку, но не снаружи на перроне, где было много света, а под крышей открытого здания платформы, в самом углу. Здесь никого не было, и она сидела совсем одна, по-школьнически сложив руки на колени; школьническая поза как бы помогала порядку и чистоте размышлений, как это бывало в пору, когда она, Варя, только готовилась к жизни. Было еще совсем непонятно, что случилось с ней, но что-то случилось, и она словно боялась растерять из того цельного и пока необъяснимого, что случилось с ней.

Мать не приехала с поездом в шесть пятьдесят, как обычно, и дочь сидела и ждала ее; в этом тоже были цельность и чистота, что она ждет мать, и не томится, и не поглядывает на часы, и она была даже рада, что сидит совсем одна и ждет, одна со своими смешанными мыслями.

Мать приехала с поездом в семь тридцать пять, и Варя еще издали увидела, как мать вышла из вагона и пошла по платформе утомленным шагом, со знакомым набитым портфелем в одной руке и с сумкой, тоже набитой, в другой руке. Варя легко, радуясь своей легкости, побежала ей навстречу и взяла из ее рук сумку. Она не спросила мать, почему та запоздала, и почти не чувствуя тяжести, несла сумку.

— Пришлось дожидаться кардиограммы одного больного,— сказала мать, сама поясняя, почему она запоздала.— Завтра воскресенье, и я боялась оставить это на понедельник... к счастью, кардиограмма оказалась приличная.

Мать была невысокая, полная, но даже теперь, когда она отяжелела и носила очки, можно было видеть, что она была красивой в молодости, и дочь походила на нее, тревожно и хрупко, как это бывает в юные годы.

— А я и не заметила, как прошло время,— сказала Варя,— как-то задумалась и не заметила.

Мать искоса поглядывала на нее. Дочь легко несла сумку, словно вся устремленная к чему-то, и у матери стало вдруг так смутно и грустно на душе, что она на миг даже закрыла глаза. Они шли рядом, мать и дочь, мать — старый врач-кардиолог Мария Федоровна Шубина, и дочь — вчера еще школьница, а теперь уже студентка, и так странно, что на столе у Вари лежат на смену старым учебникам толстые книги, вроде «Этимологического словаря русского языка» или «Русского литературного произношения», и Варя станет филологом. Но сейчас вокруг была золотая осень, весь день был золотым, и даже к вечеру были еще остатки золота — в теплом небе и ослепительно белой извилистой кайме по нижнему

краю облаков на западе, куда уже ушло, но еще посыпало последний блеск солнце.

— Ты когда вернулась сегодня? — спросила мать.

— Рано, а двенадцать я была уже дома. Сегодня два занятия отменили, и я рано освободилась.

Варя говорила бездумно и смотрела куда-то в глубину аллеи вдоль железнодорожного полотна, а внизу далеко уходили рельсы и терялись где-то среди поглубевших к вечеру перелесков.

— Знаешь, осень — просто необыкновенное время, мама... такой красоты никогда не увидишь летом. Ты посмотри только — березы совсем золотые, а клены даже не красные, а просто лиловые.

Мать посмотрела на березы, с которых мелким золотистым дождем сыпалась по временам шелуха созревших семян, и на густо-красные, действительно почти лиловые клены.

— Что же ты целый день делала? — спросила мать.

— Что я делала? Читала, размышляла, ходила по саду,— сказала дочь счастливо, словно вся пропиталась теплом и золотом пролетевшего дня, и Мария Федоровна ничего не спросила больше, и некоторое время они шли молча.

Что-то случилось в жизни дочери — Мария Федоровна понимала это; она знала, что когда внезапная грусть сменяет внезапную радость, когда радуется не только золото осени, но может обрадовать даже осенняя непогода,— что когда так бывает, значит, в душе у человека нечто окрашивает все в свои краски. Неделю назад Мария Федоровна увидела раз, как кто-то проводил до станции до калитки сада и они постояли у калитки, а потом провозжавший ушел, а дочь зашла в сад, поднялась на террасу, кинула портфельчик с книгами и тетрадами на стол и сказала: «Устала. Сегодня были четыре лекции подряд»,— но она устала так свежо, и была весь вечер такой оживленной, и сама хозяйствовала и наливала чай, что Мария Федоровна, наблюдая за ней, подумала о том недалеком времени, когда самыми заповедными мыслями дочь будет делиться уже не с ней, а с другим человеком, и с этим нужно примириться, это ход жизни, и его не изменишь и не переделаешь.

Но дочь ни о чем не говорила, и Марии Федоровне казалось по временам, что все это лишь представляется ей: просто она вместе с дочерью прожила всю жизнь, у Вари давно нет отца, и было время, когда сложно пришлось объяснять десятилетней девочке, почему у нее нет отца, пришлось объяснять так, чтобы та не затала недоброго чувства к человеку, который оставил их (бог с ним, у него другая жизнь и другая дочь от другой же-

Рисунок В. ВЫСОЦКОГО.